

Глава 77

Гора Кагэнобу

Махито, бросившись в атаку на Сукуну, в ту же секунду отчетливо осознал, насколько силен стоящий перед ним монстр. Это превосходило любые его фантазии.

Он без колебаний отсек половину собственного разрубленного тела и, приняв облик ребенка, отпрянул назад. Но на его лице не было и тени страха — лишь безумный азарт.

— Ха-ха... Сильнейший! Ха-ха-ха, обожаю сильных! — на изуродованном швами детском лице Махито заиграла жутковато-невинная улыбка.

«Сукуна — невероятный монстр, а значит, Джого не ошибся в своих расчетах! Да и драться с такой силой — сплошное удовольствие!»

Махито уже готовился снова ринуться в бой, но подоспевший циклоп-вулканоголовый так разъярился, что из его макушки вырвался сноп искр.

— Идиот, прекрати! — взревел Джого. — Мы пришли договариваться!

Это заставило Махито остановиться. Впрочем, он и сам лишь выжидал удобный момент: противник не оставлял ни единой лазейки, а лезть на рожон и напрасно рисковать жизнью проклятие не собиралось.

— Договариваться? — холодно бросил Король проклятий. — С чего вы взяли, что доросли до этого?

Сукуна, подавляющий своей аурой все живое, стоял неподвижно. Словно услышав глупую шутку, он едва заметно шевельнул пальцем. Невидимые рассекающие удары пронзили воздух, и в то же мгновение все вокруг на определенной высоте оказалось ровно срезано.

Джого в ужасе пригнулся — верхушку его головы-вулкана начисто снесло. Ханами среагировать не успела: удар рассек ей половину лица, переломив торчащие вместо глаз ветви. Проклятие глухо застонало от боли и рухнуло на одно колено.

Дагон держался поодаль, поэтому не пострадал. Махито, принявший облик ребенка, тоже чудом уцелел. Корча забавные гримасы, он шепотом запричитал:

— У-у... Ну и характер у него...

«Вспыльчивый, непредсказуемый — вообще непонятно, что у него на уме. Только начали говорить, а он уже бросается убивать. Так вот ты какой, Рёмэн Сукуна...»

— Рот закрой, ничтожество! — ледяным тоном оборвал его Ураумэ.

Мальчишка с ровным каре бросил на Махито полный ненависти взгляд. Будучи преданнейшим слугой господина Сукуны, он никому не позволял проявлять неуважение.

Джого проигнорировал мальчишку. Не обращая внимания на раненую Ханами, он, обливаясь холодным потом, бережно протянул вперед три иссохших пальца.

— Сукуна, я знаю, ты ищешь это. Мы готовы отдать тебе все пальцы, что у нас есть, и даже помочь выкрасть те, которые хранятся в Технической школе магии... Взамен мы просим лишь об одном — помощи нам уничтожить человечество!

«Чтобы проклятия наконец заняли место людей под солнцем!»

Если Сукуна согласится, их мечта станет реальностью. Джого в напряжении замер, ожидая ответа, но услышал лишь презрительный, скучающий смешок.

— Жалкие пальцы... Мне проще прихлопнуть вас и забрать их, — Сукуна с ледяным презрением посмотрел на стоявшего перед ним на коленях Джого. В его глазах читалось явное раздражение. — И вы надеялись этой дешевкой купить мою верность?

Он устремил взор куда-то вдаль, словно всматриваясь за самый край горизонта, и глухо произнес:

— Мы видим этот мир по-разному.

В его лице сквозило странное сочетание равнодушия и холодного милосердия божества, взирающего на суетливых букашек.

«?»

Четверка проклятий особого ранга растерянно переглянулась, не уловив скрытого смысла его слов. Они решили, что Сукуна просто указывает на непреодолимую пропасть между их силами.

Сукуне было плевать, поняли они его или нет. Он небрежно смахнул с плеча упавший кленовый лист и лениво поманил их пальцем.

— Пока у меня хорошее настроение, могу немного вас развлечь. Ну же, нападайте.

«Значит... шанс все-таки есть?»

Проклятия обменялись быстрыми взглядами и разом ринулись вперед. Ураумэ порывался заслонить господина, но тот бросил короткое «назад», остановив его на месте.

Вскоре лесные склоны содрогнулись от взрывов. Земля покрылась глубокими кратерами, почва оплавилась, превратившись в пылающую, сочащуюся жаром жижу. Бушевало неистовое пламя. Растерзанные останки Ханами и Дагона усеяли дымящуюся землю, медленно распадаясь прахом.

Пылающая стрела, сотканная из чистой проклятой энергии, нацелилась прямо в спину улепетывающего Махито. Поняв, что уйти от удара не удастся, тот в ярости завопил:

— Будь ты проклят, Джого! Какого союзника ты нам приволок?! Это же не союзник, это смерть наша ходячая!

Его дикий крик мгновенно захлебнулся в бушующем пламени.

«... Я знаю. Моя вина... Наша глупость превзошла все границы.»

Джого застыл, не в силах пошевелиться. Огонь, который всегда был его гордостью и послушным оружием, теперь безжалостно пожирал его собственную жизнь. На его единственном шарообразном глазу проступили слезы, мгновенно испаряясь от чудовищного жара.

Сквозь кружащийся пепел Сукуна медленно опустил руку, гася искру на кончиках пальцев, а затем неторопливо, один за другим, проглотил три обретенных пальца.

Вдруг его взор изменился. Прищурившись, Король проклятий резко повернул голову, всматриваясь в пространство за спиной догорающего Джого.

Огромный сгусток концентрированной проклятой энергии со свистом устремился к нему. Выстроенный Ураумэ ледяной барьер «Морозного штиля» разлетелся в щепки за долю секунды. Земля вздрогнула от мощнейшего удара. Осколки льда столкнулись с ревущим пламенем, и всю округу заволокло плотной белой пеленой пара.

Сквозь влажный туман на землю бесшумно опустился высокий, стройный силуэт.

Увидев эти растрепанные белые волосы и повязку на глазах, Сукуна скривился от досады.

— Цыц, еще тебя тут не хватало, — недовольно выплюнул он.

«Я-то надеялся, что Харе почувствует мою ауру и прибежит первым».

Годжо Сатору ответил ему не менее враждебным взглядом. Его сияющие небесно-голубые глаза холодно окинули Короля проклятий, после чего брови мага сошлись на переносице.

— Какого черта от тебя разит проклятой энергией моего сына?

«След слишком отчетливый. Такое не подцепишь при случайной встрече... Тут явно пахнет долгим и тесным общением. Что за дела?»

— Сын? — Сукуна усмехнулся, зацепившись за это слово. — Значит, мелкий все-таки решился рассказать вам, кто он такой?

Это его действительно удивило. Перед тем как они расстались, Харе, казалось, твердо вознамерился держать свое происхождение в тайне. Тогда он прямо сказал Сукуне:

«Если они узнают, то наверняка разочаруются. К тому же этот мир все равно обречен».

То, с какой фамильярностью и нежностью Сукуна говорил о его ребенке, заставило Сатору усомниться в его намерениях. А уж это собственническое выражение лица Короля проклятий окончательно вывело новоиспеченного папашу из себя.

Уголки губ мага поползли вниз.

— Раз уж ты знаком с моим сыном, будь добр, выложи на чистоту — что вас связывает?

Его красивое лицо не выровнило ни капли дружелюбия.

Ураумэ, тяжело дышащий на коленях в рассеивающемся тумане, стиснул зубы от ярости. Наглый, приказной тон этого белоголового шамана казался ему непростительным оскорблением великого Сукуны.

Однако Рёмэн Сукуна, презиравший любые законы и авторитеты, не только не расвирепел, но и расплылся в довольной ухмылке.

— А, ты об этом... Что ж, вовремя спросил, — протянул он с нескрываемым превосходством. Его голос так и сочился ядом. — Я муж этого мальчишки.

— Чего?! — лицо Сатору мгновенно перекосило от шока. Он застыл с таким выражением, словно его насильно заставили сожрать десяток мерзких проклятий-мух.

Сукуна, чье настроение взлетело до небес, вальяжно скрестил руки на груди и высокомерно хмыкнул. Его улыбка так и лучилась самодовольством.

Папа Годжо почувствовал, как его кулаки наливаются тяжестью, а костяшки пальцев белеют от гнева.

— Ах, так ты у нас из тех извращенцев, что зарятся на чужих сыновей? — Сатору приторно, зловеще рассмеялся. — Ну, в таком случае мне придется тебя прикончить.

— Громкие слова, сопляк, — Сукуна оскалился в ответ. — Мне, конечно, не хотелось бы расстраивать мелкого, но преподать тебе урок я не против.

— Разговаривай попроще, когда речь заходит о моем сыне. Тоже мне, нашелся близкий родственник... Тьфу! Жуткие стариканы, прожившие тысячу лет, совсем берега попутали. Мечтать-то не вредно!

Сатору засунул одну руку в карман брюк, а вторую небрежно вскинул, направив указательный палец в грудь Сукуны. Его губы растянулись в фальшивой улыбке.

— Короче говоря, я против этого брака. И Сугуру тоже костями ляжет, но не допустит. Так что закатай губу и держись от нашего мальчика как можно дальше!

— Плевать я хотел на твое согласие, — Сукуна даже ухом не повел на его угрозы. Его тон мгновенно стал серьезным. — Он рассказал вам, что собирается делать?

— А ты, выходит, знаешь? — прищурился Сатору, отвечая вопросом на вопрос.

Судя по замешательству мага, Харе предпочел промолчать. Сукуна раздраженно выдохнул:

— А про его раны вы в курсе? Есть хоть какой-то способ их залечить?

Стоило Сукуне упомянуть раны Харе, как с лица Сатору мгновенно сошла вся спесь. Он больше не собирался обмениваться колкостями и пристально, изучающе уставился на собеседника.

«Удивительно, откуда у него столько сведений о Харе... Да и ведет он себя совсем не так, как описывают древние хроники. Жестокий и беспощадный Король проклятий вдруг печется о здоровье мальчишки?»

Этот монстр знал о Харе непозволительно много. И, вопреки всем легендам о кровожадном тиране, сейчас он искренне тревожился. Годжо Сатору понимал, что Король проклятий никогда не станет вызывать у него доверие, но если это поможет спасти сына, он готов выслушать даже его.

Пока шаман раздумывал, Сукуна продолжил:

— Моя Обратная проклятая техника тут бессильна. Я пробовал — без толку. Если ничего не предпринять, эти раны медленно убьют его.

Сатору нахмурился еще сильнее. Ситуация оказалась куда страшнее, чем он предполагал.

— Откуда они взялись? — резко спросил он.

— Если он сам вам не рассказал, я тоже промолчу, — отрезал Сукуна. — Но я заметил кое-что другое: когда он поглощает мою плоть, раны временно затягиваются. К сожалению, эффект недолговечен.

«Именно поэтому мне нужно как можно скорее вернуть свои силы. Только тогда я смогу использовать тот метод, чтобы защитить Харе. Было бы идеально, если бы маги из Технической школы магии сами отдали мне оставшиеся пальцы. Если придется забирать их силой, Харе наверняка бросится защищать людей, а это только все усложнит».

Сатору мгновенно уловил скрытый подтекст. Осмотрев выжженную поляну по прибытии, он сразу понял: растерзанные проклятия пали от рук Сукуны, и мотивом этой резни были его пальцы.

«Сукуна никогда не отличался милосердием. Он признает только силу. Если сейчас он тратит свое время на объяснения, тут одно из двух: либо он все просчитал и пытается манипулировать мной, чтобы прибрать к рукам пальцы из хранилища Технической школы магии, либо... он действительно говорит правду. И действительно хочет спасти Харе...»

«Разве чудовища способны любить?»

«И все же, любовь — это самое извращенное проклятие в мире».

Такие могущественные существа презирают дешевые уловки и интриги. Сатору знал это по себе.

Сияющая синева Шести Глаз встретила с багровой бездной четырехглазого демона. Они молча смотрели друг на друга.

Тем временем Харе, из последних сил бежавший к горе Кагэнобу, пробирался по узким улочкам городка у самого ее подножия. Вокруг клубился густой дым, от которого першило в горле и слезились глаза.

Юта и остальные, прибывшие вместе с ним, не успели его удержать — пока они помогали

эвакуировать перепуганных жителей, юноша бесследно растворился в дымовой завесе.

Завернув за угол, Харе устремил тревожный взор на пылающий склон горы. Он бежал вперед, лихорадочно умоляя всех богов, чтобы Сатору и Сукуна не сошлись в смертельной схватке.

От бешеного бега застарелые раны открылись, и кровь мгновенно проступила сквозь плотные слои бинтов, окрашивая одежду в багровый цвет. Было невыносимо больно, но он даже не обратил на это внимания.

Еще немного, совсем чуть-чуть! Дышать становилось все труднее из-за гари. Харе тяжело хрипел. Когда он пробежал мимо очередного темного переулочка, из непроглядной тени внезапно протянулась сильная рука и мертвой хваткой вцепилась в его плечо.

В следующее мгновение его рывком затянуло в глубь подворотни, и он врезался в чью-то широкую грудь.

Знакомое тепло, родной, дурманящий запах и рельеф мышц, который он мог бы безошибочно узнать с закрытыми глазами, — Харе мгновенно понял, кто его держит, и перестал сопротивляться.

Мужчина крепко сжал его в объятиях, уткнулся лицом в изгиб шеи и глубоко вдохнул его запах. Горячее дыхание обожгло чувствительную кожу, заставив юношу вздрогнуть.

Харе попытался отстраниться, его голос дрожал от волнения:

— Сукуна... Где отец?!

Как Король проклятий оказался здесь, внизу? Ему же сказали, что Сатору уже на горе! Они разминутся? Или уже успели подраться?

Сердце Харе испуганно колотилось в груди. Сукуне не понравилось, что первой же фразой после долгой разлуки его супруг интересуется кем-то другим. В отместку он чувствительно прикусил нежную мочку уха юноши и нагло соврал:

— Не видел его.

Его глубокий, бархатистый голос звучал лениво и недовольно — Король проклятий откровенно дулся на то, что Харе не уделил ему должного внимания.

Юноша поверил. Изнуренный бешеной гонимой, он обессиленно прислонился к надежной груди Сукуны и с облегчением выдохнул:

— Слава богу...

Пока он бежал сюда, от одной лишь мысли об их возможной схватке его бросало в дрожь. Он безумно дорожил обоими и не перенес бы гибели ни одного из них.

— Так спешил ко мне... соскучился? — Сукуна упивался его покорностью. Он собственнически обнял Харе за талию, нежно поглаживая его вздрагивающую спину.

«Я безумно скучал, но этот страх...»

В его измученном разуме на секунду промелькнула дикая мысль: не был ли Сукуна, связавшийся с проклятиями Джого, тем самым проклятым чревом в этой вселенной?

Пытаясь восстановить сбивчивое дыхание, Харе медленно опустил голову и уткнулся лбом в плечо демона.

— Я испугался за тебя, — едва слышно прошептал он.

Сукуне не нужно было объяснять причины этого страха — будучи частью его души, он видел все кошмары из прошлого юноши.

Немного помолчав, Харе обиженно добавил:

— Ты вечно делаешь только то, что взбредет тебе в голову...

Сукуна тихо усмехнулся. Мальчишка прекрасно знал, что Король проклятий больше никогда не причинит ему вреда.

— Глядите-ка, научился капризничать, — ласково протянул он.

Харе густо покраснел и поспешно замолчал, уткнувшись носом в его плечо.

Низкий смех Сукуны отозвался приятной вибрацией в груди. Он мягко взял Харе за подбородок, заставив поднять голову, и плавно прижал его спиной к кирпичной стене подворотни. Надвигаясь на юношу всем телом, он властно прошептал:

— Если так боялся за меня, зачем тогда отпустил?

— Это... совсем другое, — Харе отвел взгляд. Он знал, что его собственный путь ведет к неизбежной гибели вместе с угасающим миром. Но Сукуна... Сукуна заслуживал вернуться в свою эпоху, в золотой век Хэйан. Иначе зачем вообще было вытаскивать его из временной

расщелины?

Вспомнив, что ответил ему тогда Король проклятий, Харе почувствовал, как к щекам приливает жар. Демон внимательно следил за выражением его лица. Протянув ладонь, он заговорил с мягкостью, которой никогда не достаивался ни один смертный:

— Хочешь подчинить меня? Или наложить «связывающую клятву», чтобы тебе стало спокойнее?

— Не нужно, — упрямо буркнул Харе, окончательно отвернувшись. Он не смел смотреть в эти бездонные алые глаза, боясь навсегда утонуть в их омуте. — Я обещал вернуть тебе свободу и не собираюсь нарушать свое слово.

Сукуна раздраженно цыкнул и перевел взгляд на пропитанную кровью одежду юноши.

— Тогда дай мне обработать твои раны.

— Пустяки, не стоит возиться, — попытался возразить Харе.

«Все равно эти раны не заживут, пока я связан узами с проклятиями веры. А заставлять тебя делиться плотью... мне просто жаль портить твоё тело».

Король проклятий, впрочем, упрямо игнорировал любые отказы.

Он слегка наклонился к самому его лицу. Темные татуировки, спускавшиеся по скулам к подбородку, придавали его улыбке хищный и дразнящий вид.

— Ну так что? — лениво и вкрадчиво спросил он. — Мне поцеловать тебя прямо здесь или взять на руки? Выбирай.

<http://bllate.org/book/19043/2005278>